

День 1.

Я не могу дышать.

Это первое, что я почувствовал, как только смог разлепить глаза. Снаружи колыхалось розовое желеобразное месиво. Оно заполняло всё вокруг, заливалось в нос и уши и добралось, казалось, даже до лёгких. В голове оглушительной сиреной звенело чувство животного страха. Наверное, в такие моменты перед глазами проносится вся жизнь, но сейчас я даже толком не помнил, кто я. Единственной мыслью, занимавшей моё сознание было: «Выжить». Любой ценой. Я попытался пошевелиться и тут же наткнулся на преграду: меня окружала тесная коробка из металла. Я принялся отчаянно биться в её стенки, но жидкость вокруг поглощала любой импульс, и мне оставалось лишь беспомощно барахтаться. На глазах выступили слёзы, а кровь в ушах оглушительно пульсировала. Кажется, на этом всё и закончится...

Неожиданно до меня донёсся щелчок, а за ним — звук, напоминающий шипение. Уже через секунду я почувствовал, как розовый гель вокруг меня буквально растворяется. И да, он действительно был в моих лёгких. Когда эта дрянь их покидала, я испытал непередаваемые ощущения: дыхательные пути горели так, будто их наполняло адское пламя. Но сразу после этого мне ощутимо полегчало. Более того, от отвратительной жижи не осталось и следа: даже мой костюм и волосы как по волшебству оказались сухими. Я наконец смог увидеть, где нахожусь: это действительно был небольшой ящик из металла и белых полимеров. Прозрачная крышка раскрылась, впустив внутрь воздух и освободив меня из плена. Находиться в таком тесном пространстве почему-то было жутковато. Как будто есть в этом что-то неправильное... так что я предпочёл поскорее выбраться наружу. Вышло не слишком хорошо: конечности не слушались, и я едва устоял на ногах. Но я наконец-то мог дышать полной грудью, и это не могло не радовать.

Помещение вокруг не было мне знакомо. Это была небольшая комната в светло-серых оттенках. Все вокруг казалось безжизненно-стерильным даже в отсутствие яркого освещения. На одной из стен была установлена пара светящихся голубых панелей: судя по всему, они показывали температуру и уровень кислорода в помещении. Также я обнаружил здесь ещё два ящика, подобных тому, из которого выбрался я. Их крышки не

были прозрачными: они были покрыты чем-то вроде специальной плёнки, отражающей свет. Возможно, видеть сквозь неё можно только изнутри, так что я не мог знать наверняка, что или кто там находится.

На боковой стороне ящиков имелись надписи, но разнообразием они не отличались: «Номер один, номер два»... Ну а я, видимо, был «номером три». Крышки прилегали к ящикам очень плотно, и, слегка поддев ногтем одну из них, я понял, что не стоит даже пытаться их открыть. Впрочем, не очень-то и хотелось. Сейчас важнее было понять, где я нахожусь.

В надежде выяснить это я проследовал к двери. Она была автоматической, но открываться не спешила. Судя по тусклому красноватому свету и слабому гулу, доносящемуся из вентиляции, можно было предположить, что всё вокруг работает в режиме сохранения энергии. Как на подводной лодке или в бункере... Оказавшись в тесном коридоре, я преодолел его буквально за несколько шагов. Тот, кто проектировал эти помещения, явно был сильно ограничен в средствах — даже с моим небольшим ростом здесь было не развернуться. В итоге я оказался в чуть более просторной комнате и на секунду потерял дар речи от увиденного. Здесь почти ничего не было кроме трёх кресел с ремнями безопасности и россыпью кнопок непонятного назначения на подлокотниках. В стены были встроены дверцы небольших шкафчиков. А тем, что так сильно удивило меня, стало окно, растянувшееся на всю ширину одной из стен. За стеклом на бесконечные мили вокруг простиралась чёрная пустота, испещрённая белыми огоньками. Космос. Это слово само сорвалось с языка. Я не помнил, откуда знаю его, но знал, что пространство за окном называется именно так. Что там ужасно холодно, и что оно, вероятно бесконечно. А человека вроде меня там ждёт неминуемая ледяная смерть.

Что ж ситуация наконец-то приобретала хоть какую-то определённость: судя по звёздам, плывущим мимо, я нахожусь на космическом судне. И мы явно куда-то движемся. С весьма внушительной скоростью. Но один вопрос терзал меня сильнее прочих:

Кто я такой?

Вдруг до меня донёсся резкий хриплый звук, и я едва не подскочил на месте.

— Обнаружена бодрствующая форма жизни. Подойдите к терминалу.

Я принялся вертеть головой, пытаюсь понять, кто со мной разговаривает. Голос в то время повторил:

— Обнаружена бодрствующая форма жизни. Подойдите к терминалу. Казалось, что он звучит прямо в моей голове, но этот голос явно мне не принадлежал. Неужели здесь есть кто-то ещё?

Терминал оказался совсем недалеко: это был прямоугольный экран почти в человеческий рост на противоположной стене. Он неприветливо мигал красным светом, а голос настойчиво указывал мне подойти. Я нащупал на виске небольшой чип: видимо, он транслировал голос прямо мне в мозг. На экране меня встретило изображение странного существа: у него были крылья, хвост, клюв и перья... На секунду оно показалось мне знакомым. Кажется, это птица? Или животное? Видел ли я когда-то подобное или только что выдумал это? Картинка быстро сменилась более понятными мне символами. Буквы гласили:

«Протокол «Ковчег». Попытка 8.

Приложите ладонь к экрану, чтобы активировать виртуального Помощника».

Я немного боязливо вытянул руку и коснулся гладкой тёплой поверхности.

— Добро пожаловать, номер три, — донёсся до меня приветливый голос. В нём чувствовались откровенно искусственные нотки, но я всё же уловил намёк на радушие, и этого было достаточно, чтобы почувствовать себя чуть менее одиноко в этом странном месте... однако, радость моя длилась недолго.

— Обнаружено несанкционированное бодрствование. До окончания полёта... — голос Помощника поменялся на механический, — Четыре недели. Шесть дней. Пятнадцать часов. Шестнадцать минут. Пожалуйста, вернитесь в капсулу сохранения и повторно запустите процесс сна.

— Опять?! — прошептал я, испугавшись собственного голоса. Кажется, я давненько его не слышал. Хриплый, негромкий. Довольно высокий. Мальчишеский. И, хоть моему тону и не доставало уверенности, приказ помощника возмутил меня до глубины души. Что-что, а возвращаться в смертельную капсулу, из которой я чудом выбрался, мне не хотелось.

— Согласно протоколу «Ковчег», все бодрствующие формы жизни должны вернуться к состоянию сна до окончания полёта, — объяснил Помощник.

— А что, если я не хочу?

— Все члены экипажа обязаны следовать протоколу «Ковчег», — не унимался цифровой упрямец.

— Эта штука меня чуть не убила!

— Нарушение протокола «Ковчег» грозит...

— Да тихо ты, чёртова железка! — разозлился я. На удивление это сработало, и компьютер замолчал.

— Что такое протокол «Ковчег»? — спросил я.

— Согласно договору между мистером Н. и членами экипажа корабля Авель-8, все члены экипажа обязаны следовать протоколу «Ковчег».

Протокол «Ковчег» включает следующие положения:

Все члены экипажа обязаны поддерживать состояние сна в капсуле сохранения до прибытия в точку назначения. В случае санкционированного или несанкционированного бодрствования запрещаются:

1. Прерывание сна других членов экипажа.
2. Попытка покинуть корабль.
3. Пользование системой изменения маршрута.
4. Пользование радио-передатчиком.
5. Проникновение в отсеки N и X.

Если бодрствующему члену экипажа требуется медицинская помощь, пройдите в отсек М. Если бодрствование несанкционированно, члену экипажа следует немедленно...

— Куда мы летим? — перебил я его, пока он снова не начал поучать меня.

— Информация защищена.

— Я не могу узнать, куда направляюсь?

— Информация о маршруте защищена до момента прибытия в пункт назначения.

— Тогда может хотя бы скажешь, откуда?

— Информация о точке отправления защищена до момента прибытия в пункт назначения.

— Да чтоб тебя... Подожди, ты сказал «члены экипажа»? Есть кто-то ещё? В тех ящиках тоже люди, да?

— Информация о членах экипажа защищена до момента прибытия в пункт назначения.

— Агрх! — огрызнулся я, теряя терпение, — Но кто я такой, ты мне можешь сказать?

— Вы — номер три.

Если этот Помощник создали для того, чтобы на самом деле помогать, то попытка определённо провалилась.

Поняв, что толку от него не будет, я отнял ладонь от экрана и сел в одно из кресел, уставившись в темноту космоса за окном. В голове было пусто: бессмысленный диалог с компьютером выветрился из памяти буквально за пару минут, а кроме него в ней не оказалось почти ничего. Я помнил какие-то незначительные детали: например, названия некоторых материалов, из которых сделаны предметы вокруг меня. Также мне удалось распознать символы пищи и воды, нанесённые на встроенные в стены дверцы. А в остальном я чувствовал себя ужасно пустым. Как будто только вчера появился на свет, и мой разум девственно чист. Кажется, я просидел в кресле несколько часов. Может три, может четыре. Мне не хотелось даже шевелиться: я просто смотрел на однообразие проносящихся мимо огней, и наконец сам не заметил, как уснул.

День 2.

Сегодня ничего примечательного не произошло. Проснувшись, я не без помощи Помощника разобрался, где справить нужду. К слову, по дороге пришлось опять отшивать его с предложением вернуться в капсулу. После я вскрыл пищевые припасы и поел. Мне достался тубик с чем-то солёным и сухие крекеры серого цвета. Было довольно вкусно. Я даже немного испугался: не думал, что еда может приносить какие-то чувства, кроме насыщения. Потом я снова сидел в кресле, как и в первый день. После того, как я удовлетворил все потребности, других желаний у меня не возникало.

Правда было кое-что новое: пару раз я замечал, что в моей голове возникают странные звуки. Это не похоже на голос Помощника или мои собственные мысли. Это вообще не было ни на что похоже. Как речь, но без слов, и всё это звучит так стройно и даже красиво... но это длилось

всего на пару секунд, и я ничего толком не успел понять. Возможно, я просто медленно схожу с ума от тишины вокруг. Попробую поспать ещё.

День 3.

Начало дня прошло так же, как и вчерашнее. Помощник пожелал мне «доброго утра». Не уверен, что понимаю, что это значит, но на всякий случай ответил ему тем же. Если паршивец пытался таким образом меня задеть, то хотя бы получил достойный отпор.

После еды я решил пройтись по кораблю, так как почувствовал, что тело немного затекает от долгого сидения. А движение приносит довольно приятные ощущения. Большинство отсеков оказалось заблокировано, а на отсеке Х висит столько предупреждений о том, чтобы я держался от него подальше, что мне стало не по себе.

В отсек с «капсулами сохранения», как называл их Помощник, мне возвращаться не хотелось. После того, что случилось в первый день, я бы скорее назвал их «капсулами ужаса» или «капсулами смерти». Хотя Помощник ну очень активно настаивал на том, чтобы я вернулся ко сну, за что был послан далеко и надолго.

— Получена команда «идти к чёрту»? — уточнил Помощник.

— Именно, — ухмыльнулся я.

— Команда не распознана, — ответил он, и мне показалось, что я услышал в его голосе нотки обиды. Или мне хочется в это верить.

— Помощник, что будет, если я вскрыю другие капсулы?

— Нарушение протокола «Ковчег» ведёт к расторжению договора с мистером Н.

— Кто такой мистер Н.? И что за договор?

— Договор с мистером Н. — это всё, что у вас осталось, номер три.

— Чушь какая-то... — нахмурился я.

Хоть угроза расторжения договора с каким-то незнакомым мужиком казалась абсурдом, нарываться на неприятности мне уж точно не хотелось. Если быть честным, мне вообще ничего не хотелось. Интересно, так было всегда? В любом случае, я поспешил убраться из отсека и вернуться в уже ставшую привычной комнату с креслами, шкафчиками, полными сухого пайка, и звёздами за окном.

Остаток дня я проспал. Странные звуки снова ненадолго появлялись в голове, но я начал к ним понемногу привыкать.

День 4.

Спал, ел, справлял нужду, смотрел на звёзды.

До этого дня все мои действия казались мне естественными, но сейчас чего-то будто не достаёт. Мне стало не так просто смотреть в одну точку или спать по шестнадцать часов. Как будто... что-то меняется во мне?

Однако в этот раз скучать мне не пришлось. Я услышал нечто странное. Поначалу я списал это на те звуки, что мерещились мне ранее. Но это совсем не было на них похоже: в этом шуме не было никакой мелодичности, и я готов был поклясться, что он доносится из отсека А. Того самого, где я очнулся и чуть сразу же не отдал концы. Я допускал мысль, что Помощник просто решил так подшутить или заманить меня обратно в капсулу, но звуки не прекращались, и, собрав волю в кулак, я решился сходить проверить, в чём дело.

Оказавшись в отсеке я прислушался. Звук исходил из капсулы номер два. Казалось, что кто-то бьётся в металлические стенки изнутри, прямо как я пару дней назад. Я никак не мог поверить в происходящее и растерянно подошёл к капсуле, надеясь убедиться, что мне показалось. Но всё оказалось намного хуже, чем я предполагал: как только я приблизился к ней, изнутри донёсся такой душераздирающий стон, что у меня внутри всё пошло долом.

На крышке капсулы не оказалось никаких кнопок: лишь датчики жизненных показателей. Пульс скакал как бешеный: я не знал, сколько именно должны показывать цифры, но скорость, с которой они менялись, ужасала.

— Помощник, открой капсулу! — прокричал я.

— Открытие капсулы сохранения является нарушением протокола «Ковчег».

Мысленно выругавшись, я попытался поддеть крышку пальцами, но она прилежала так плотно, словно была единым целым с капсулой. Зато я умудрился сорвать половину ногтя, и кончик моего пальца окрасился в красный цвет.

— Обнаружены следы повреждений. Члену экипажа требуется медицинская помощь?

— Да! — выпалил я, и меня осенило, — члену экипажа номер два нужна помощь! Открой капсулу!

— Если бодрствующему члену экипажа требуется медицинская помощь, пройдите в отсек М...

— Открой хренову капсулу!

— Открываю капсулу номер два.

После этих слов я услышал уже знакомый щелчок, и воздух с шипением проник под крышку, растворяя желеобразную массу. Девушка, лежавшая внутри, широко распахнула глаза и принялась хвататься за горло. Я помог ей подняться, и пленница зашлась глубоким грудным кашлем. Она тряслась всем телом, а из глаз лились слёзы. Но это были не слёзы удушья: я был готов поспорить, что она до смерти напугана. Наконец, она повернула голову и увидела меня. Она была достаточно красива, даже несмотря на гримасу ужаса. Светлые, почти белые волосы, растрепались и спадали на узкое лицо с острыми тонкими чертами. Большие серые глаза ошарашенно бегали из стороны в сторону, пока наконец не остановились на мне. Секунду мы смотрели друг другу в глаза, после чего девушка резко заключила меня в объятия, повиснув на мне всем телом. Я рефлекторно прижал её к себе, надеясь таким образом привести в чувства. Её дрожь передалась и мне, и приходилось приложить усилие, чтобы устоять на ногах. Как вдруг меня будто пронзил разряд тока: она была *тёплой*. Конечно, это можно было понять и по датчикам на её капсуле, но сейчас я буквально ощущал её тепло каждой клеточкой кожи. Это было ни с чем не сравнимое ощущение: оно наполняло меня неведомой силой, которая будоражила, будила во мне что-то... в голове как будто стало на тысячу мыслей больше, и каждая из них норовила прорваться на передний план. Я слегка отстранился, взглянув на девушку и вдруг вспомнил:

Меня зовут Йен.

День 5.

Я почти не спал. Номер два уснула уже через час после того, как я вызволил её из капсулы. Она не задавала вопросов, не смотрела в глаза, да и в целом была похожа скорее на движущуюся куклу, чем на человека.

Мне удалось немного успокоить её дрожь: оказалось, в общем отсеке есть тёплые одеяла. Я хотел предложить ей поесть, но, как я и говорил, она вырубилась раньше, чем я успел что-то понять. Впрочем, в первые пару дней со мной происходило то же самое, и я решил её не беспокоить.

А вот ко мне сон упорно не шёл. И на то были свои причины.

— Помощник! Почему ты не сказал мне, что у меня есть имя?! — я кричал на светящийся экран громким шёпотом, стараясь не разбудить новую соседку, но всеми силами дать понять компьютеру, что его секреты уже сидят у меня в печёнках.

— Информация о членах экипажа защищена до момента прибытия в пункт назначения.

— Но это *моё* имя! Никто не имеет права скрывать от человека его имя!

— Вы заключили договор с мистером Н., номер три. Ваше имя попадает в категорию «информация о членах экипажа» и должно быть засекречено до прибытия в пункт назначения.

— Расскажи мне о мистере Н, — процедил я, — мне интересно, что это за умник, отнимающий чужие имена.

— Мистер Н. предпочёл не раскрывать свою личность до завершения протокола «Ковчег».

Всю оставшуюся часть дня я провёл в раздумьях. Новообретённое имя вертелось у меня на языке: Йен. Всего три буквы, но сколько силы от них исходило! Это короткое сочетание вызывало во мне неконтролируемую бурю эмоций. Если то, что я испытывал, вообще можно было назвать эмоциями. Я садился в кресло, прикрывал глаза и ненадолго проваливался в дремоту, но вскоре снова подскакивал, не в силах совладать с вопросами, рождающимися в сознании.

Через несколько часов проснулась номер два. Заговорить с ней было слегка неловко. Теперь, когда стрессовая ситуация была позади. Да и в целом мимика девушки была немного странной: она редко смотрела в глаза, заламывала пальцы и время от времени вздрагивала.

— Ты наверное не понимаешь, что происходит, да? — наконец решился спросить я, и номер два кивнула, — Я сам уже несколько дней пытаюсь с этим разобраться. Правда узнал пока что немного: мы в космосе, куда-то летим, но куда — нам не скажут. И откуда — тоже. А уж кто мы такие — тем более.

— Почему? — наконец подала голос она. Он был приятным и каким-то особенно живым после моего опыта общения с Помощником.

— Какой-то протокол «Ковчег». Я сам толком ничего не понял, но надеюсь скоро разобраться.

Вдруг я обратил внимание, что кресло, в котором спала номер два, выглядит иначе. Спинка была откинута назад, а подголовник будто накачали воздухом так, чтобы он повторял форму головы и поддерживал шею в комфортном положении.

— Что с твоим креслом? — спросил я.

— С креслом? — она захлопала глазами, и вдруг оживилась, быстро затараторив, — А, это... Здесь контрольная панель на подлокотнике. Первая кнопка выводит ползунок регулирования уровня наклона спинки. Вторая переключает состояние подголовника. Можно ещё подключить обогрев. Есть три предустановленных состояния, а можно настроить под себя...

— Откуда ты это знаешь? — округлил глаза я, опешив от того, как ловко она оперировала всеми этими заумными фразочками. Словно ей успела присниться инструкция от этих дурацких кресел, и теперь она решила её мне пересказать.

— Не знаю... ну то есть... просто знаю и всё.

— Ты бывала здесь раньше?

Номер два отрицательно помотала головой.

— Я ничего не помню о том, где бывала.

— Я тоже. Наверное, это нормально...

Девушка не ответила и снова отвела глаза, о чём-то задумавшись. Я подумал, что, возможно, смущая её своим присутствием и решил временно перейти в другой отсек, чтобы дать ей побыть одной. А может... она хочет вернуться ко сну? Стоит ли мне спросить её?

— Там было три капсулы, — первой продолжила разговор номер два, когда я уже почти решил покинуть отсек, — в третьей тоже человек?

— Я не знаю. Мне кажется, что да. Но нам нельзя открывать её по этому дурацкому протоколу.

— Это ужасно, — девушка обхватила голову руками, — это было ужасно... Ты видел?!

— Видел что? — осторожно уточнил я.

— Эти сны... когда был там...

— Не совсем, — вообще-то я не припомню, чтобы видел хоть что-то во время нахождения внутри. Меня окружала пустота и темнота. Это отличается от обычного сна, которым я сплю здесь, на корабле. Капсула словно отправляет тебя в небытие.

— Я видела ужасные сны. Какие-то символы, цвета... всё расплывчатое и непонятное, но такое навязчивое. От этого тошнит, болит голова, тело ломит... а выхода нет. Я так рада, что ты меня разбудил!

— А я думал, что мне не повезло с капсулой...

— Мы должны разбудить его! — воскликнул девушка, видимо, имея ввиду оставшегося члена экипажа.

— Вообще-то я не уверен, что это хорошая идея...

— А если с ними происходит то же самое?!

— Попытка разбудить других членов экипажа является нарушением протокола «Ковчег», — продекламировал я, пытаюсь передразнить надоедливый компьютер.

— Вы делаете успехи, номер три, — раздался голос Помощника.

— А это ещё кто?! — испуганно вскрикнула девушка, оглядываясь по сторонам.

— Не обращай внимания. Он должен нам помогать, но толку от него — ноль. Хотя он может подсказать, где туалет.

— Туалет? — номер два захлопала глазами, как вдруг её лицо озарило осознанием, — Ой! Мне как раз нужно!

Я усмехнулся, наблюдая, как она подскочила и бросилась в направлении санитарного отсека. Кажется, она и правда начинает приходить в себя.

День 6.

Мы с номер два быстро нашли общий язык, хоть и не слишком-то много разговариваем. Но вместе определённо веселее, даже если ты бездумно смотришь в пустоту космоса за стеклом. С утра мы успели слегка поругаться: она снова начала говорить, что мы должны разбудить номера один. Не то, чтобы я был против, но слова Помощника всё ещё звучали у меня в голове: «Договор с мистером Н. — это всё, что у вас осталось, номер три...» А мы и так только и занимаемся тем, что нарушаем его проклятый протокол.

— Но ты же освободил меня! — не унималась номер два.

— Это другое, — парировал я, — Ты кричала! А тот парень не особенно жалуется! Если там вообще кто-то есть...

— Все бодрствующие члены экипажа должны немедленно вернуться в капсулы сохр...

— ЗАТКНИСЬ!!! — хором выпалили мы, усмирив встрявший в разговор компьютер.

Несмотря на разногласия по поводу судьбы оставшегося члена экипажа, время в тот день мы провели неплохо. Чтобы развеять скуку, номер два придумала ужасно забавную игру: один из нас должен кого-то изобразить, а второй — угадать, кто имеется ввиду. Правда игра довольно быстро стала предсказуемой: мы по очереди изображали друг друга или Помощника, потому что других образцов в нашей памяти не сохранилось. Зато впервые услышал, как номер два смеётся, и мне это очень понравилось.

Я ещё не знал, что случится этой ночью.

День 7.

Меня разбудил сигнал тревоги.

— Обнаружено нарушение протокола «Ковчег», — зазвучало в голове, и я подскочил на месте, рассеянно оглядываясь. Сердце колотилось от страха, и я рефлекторно принялся искать глазами номер два, но в общем отсеке её не оказалось. Вскочив с кресла, я бросился в сторону отсека А, молясь, чтобы мои опасения не подтвердились.

— Обнаружено нарушение протокола «Ковчег», — не унимался Помощник, вторя звуку сирены, разрывающему барабанные перепонки. Я влетел в отсек и на мгновение перестал дышать. Номер два действительно была здесь. Девушка стояла возле одной из капсул, а на её плечо опирался едва стоящий на ногах молодой человек. Он был высокого роста и крепкого телосложения. Его вытянутое лицо увенчала гримаса боли. Не особенно задумываясь, я подскочил к ним и принял вес его тела на своё плечо. Хотя я был не сильно крепче хрупкой номер два, и около девяноста килограммов товарища по несчастью заставили меня пожалеть о своём решении.

Мы оттащили номера один в общую комнату под непрекращающиеся возмущения Помощника.

— Зачем ты это сделала?! — прошипел я.

— Так было честно, — пробормотала номер два.

Тут, конечно, было сложно с ней поспорить. Хотя розовая жижа и не наносит спящему вреда, помимо неприятных ощущений, оставлять одного из троих членов экипажа в неведении было несправедливо. Вот только что делать дальше, было непонятно.

— Как ты вообще смогла открыть капсулу?!

— Если приложить ладонь к датчикам, откроется экран ввода кода разблокировки. Это четыре значения...

— И ты их знала?!

— Нет, просто пробовала...

— Это же несколько тысяч комбинаций!

Номер два пожала плечами. Эта девушка начинала вызывать у меня всё больше вопросов, и я уже не был уверен, что в происходящем кажется мне более безумным.

Как назло, именно в этот момент в моей голове снова объявились те странные звуки, что я слышал ранее, зазвучав с новой силой. Я закрыл лицо руками, стараясь сосредоточиться, но этот идеально стройный шум заполонил моё сознание. Мне хотелось отдаться ему, выпустить его из своего тела, сделать хоть что-то, но я не понимал, что именно.

Номер два обеспокоенно взглянула на меня и слегка коснулась моей руки. Вздвогнув, я увидел, что она сидит в кресле. На соседнем сидении расположился номер один, бездумно пялясь перед собой. Девушка кивнула, указав мне на оставшееся свободное место, и я растерянно опустился в него. За окном всё также проносились мерцающие звёзды, почти не отличающиеся друг от друга. Красное аварийное освещение у нас над головами мигало в такт завываниям сирены и возмущениям Помощника о нарушении протокола «Ковчег». Неожиданно нас ослепил яркий белый свет. Перед глазами, привыкшими к полутьме, заплясали тёмные пятна, и нам пришлось зажмуриться, чтобы не ослепнуть.

— Что это?! — испуганно воскликнул номер один.

— Финальная стадия протокола «Ковчег» активирована, — ответил Помощник.

— И что это должно значить?!

— Пожалуйста, прослушайте обращение от мистера Н.

Мы с номер два затаили дыхание. Неужели мы наконец встретимся с тем, благодаря кому попали сюда? Как он выглядит? Сколько ему лет? Какой у него голос? А главное — что за договор мы с ним заключили? И что с нами будет за его нарушение...

Стекло, отделявшее нас от черноты космоса, озарил голубой свет, пролившийся откуда-то с потолка. Его заволокло цифровой дымкой, на которой стали проявляться знакомые очертания: эмблема с крылатым существом, которое я видел на терминале в первый день. Через пару секунд её наконец сменила картинка.

Это было небольшое помещение, напоминавшие подвал или гараж. Там было далеко не так чисто и светло, как на нашем корабле. Дверь на заднем плане была плотно заколочена и подпёрта несколькими ящиками, вдоль пола и потолка тянулись какие-то промасленные тряпки, а воздухе стоял серо-коричневый туман, делающий картинку ещё более мутной и грязной. На переднем плане сидел человек. В нём не было ничего примечательного: на вид чуть меньше пятидесяти лет, растрёпанные высоко растущие волосы, кожаная куртка поверх чёрной футболки и респиратор, закрывающий нижнюю половину лица. Мужчина поправил камеру перед собой, убедившись, что попал в фокус и, откинувшись на кресле, спустил с лица маску. Он извлёк из кармана сигарету и после нескольких попыток поджечь её наконец затянулся. На фоне что-то настойчиво гроыхало, скрипело и дребезжало. В этом шуме даже можно было слышать что-то похожее на крики, но плотные стены не пропускали звук настолько, чтобы можно было разобрать детали.

«Извиняюсь за обстановку», — улыбнулся мужчина, — «Возможно, не стоило так долго тянуть с записью этого видео, но я хотел появиться эффектно», — с этими словами он провернулся на крутящемся стуле вокруг своей оси, — «Приветствую вас, пассажиры кораблей «Авель один-тире-девять»! Надеюсь, что хоть кто-то из вас всё ещё жив... Если вы это смотрите, значит, вы либо успешно выполнили протокол «Ковчег», с чем я вас поздравляю, либо нарушили его... и за это вас ждёт смерть!» Краем глаза я заметил, как номер два вжалась в кресло. Да что уж там, меня самого сковало липким ужасом. Но мужчина на экране рассмеялся и продолжил:

«Расслабьтесь, я пошутил. Если вы нарушили протокол «Ковчег», а также наш с вами договор, то у вас наверняка были на то причины... но ничего

из этого больше не имеет значения. Сейчас», — он посмотрел на аккуратные наручные часы с серым силиконовым ремешком, — «Двадцать восьмое февраля две тысячи сто первого года. Браунсвилл, Техас, Соединённые Штаты Америки. Планета Земля, Солнечная система, рукав Ориона... но это тоже уже неважно. Меня зовут Ной Рив, но вы можете знать меня как мистера Н. Уж простите за загадочность, не мог удержаться хоть под конец жизни немного побыть в образе крутого парня. Я долго думал, чего бы вам такого рассказать в этом послании... Пожалуй, мне стоит извиниться. Когда вы откроете отсек Х, вы явно будете возмущены тому, что произошло с вашей памятью. Но спешу вас заверить: она придёт в норму в течение пары дней! Мы были вынуждены заблокировать ваши воспоминания на время полёта на случай, если на вас вдруг нахлынут сентиментальные чувства, и вы захотите связаться с другими «Авелями» или вздумаете повернуть назад... Так, погодите», — он поднял со стола кипу исписанных от руки листов и задумчиво их перебрал, «Точно! Нужно рассказать вам о сути операции. Это весёлая история, вам точно понравится! Дело в том, что планете Земля... как бы это сказать... трындец. Точнее придёт трындец с минуты на минуту. Ментально жму вам руки за содействие в наступлении этого прекрасного настоящего. Мы с вами, господа земляне, отлично постарались!» — Мистер Н. вскинул руки, добавив последней фразе торжественности. «Так уж случилось, что у меня были кое-какие сбережения... в общем, моя частная космическая компания успела построить девять чудных блестящих машинок, на одной из которых вы находитесь прямо сейчас. Я догадывался, что они пригодятся, когда всё полетит к чертям, но не думал, что так скоро. В общем, пришлось работать с тем, что имеем. Когда я записываю это видео, вы уже наверняка на полпути к новой жизни. Да, ребята, теперь будущее — ваша проблема! Хотя придурки из НАСА считают иначе. Их корабли больше и блестят куда ярче. А главное, экипажи все как на подбор: учёные, астронавты и до усрачки богатые ребята, купившие себе билет к спасению... ну, они так считают. Жаль, что всех их точки назначения давно просчитаны нашим искусственным интеллектом и, увы — ребята будут неприятно удивлены, когда поймут, что лишь ненадолго отсрочили свой последний час. В финале их ждут необитаемые куски камня, а топлива и припасов не хватит на исправление ошибок... Но не будем о грустном! Ведь кто-то из вас сорвал настоящий джек-пот! Наши «Авели» запрограммированы на самые перспективные

маршруты, рассчитанные за сто лет работы. Не могу ничего вам обещать... но всем сердцем верю, что хотя бы трое из вас приземлятся на симпатичной планетке, где можно будет дышать и носиться по полям с радостным хохотом, прямо как в старые добрые времена на матушке-Земле.

Хочу, чтобы вы помнили», — он затаился и закашлялся, выпустив половину дыма обратно, «Вы не заплатили ни копейки за то, чтобы попасть на борт. Думаю, большинство из вас не прошли бы и начальный отбор в НАСА, которым только и подавай, что выдающихся, умных, крепких, фертильных... но у меня другая философия. Эволюция тысячелетиями играла с нами в лотерею, и всё равно лучшие умы нашей «великой» цивилизации точно привели её к краху вместе с простыми смертными. Я подумал, что было бы честно продолжить череду счастливых случайностей и вслепую выбрать тех, кто отправится на поиски будущего. Конечно, если бы я выбирал, то взял бы исключительно тех, кто хорошо шутит, любит животных и доедает корочки от пиццы. Но я всё же предпочёл верить это в руки судьбы, и генератор случайных чисел выбрал ваши имена. Так что можете крыть меня последними словами, когда не сможете развернуть базовый лагерь и разобраться с водоочистительной системой и всякими сложными терраформическими штуками... Помощник обещал, что не даст вам пропасть, но я бы на него не полагался! Он больше любит болтать, чем делать — издержки высокоразвитого искусственного интеллекта.

Ух, вот это я наговорил... Надо бы закругляться, пока сигнал ещё есть, чтобы моё сообщение дошло до вас целиком, а не искажённое помехами в духе: «Я... пшш... богатый засранец... кхх... отправил вас чёрт знает куда... делайте что хотите... Приём». Хотя это было бы лаконично. В духе мистера Н.» — Он посмотрел куда-то в сторону и задумчиво потёр подбородок: «Может перезаписать?

Ладно, оставляю так. Надеюсь, мой опус не займёт всю память Помощника, и у вас останется место для пары роликов с МКС в последние секунды нашей голубой планетки. Уверен, будет умопомрачительно красиво!

И не забудьте заглянуть в отсек Х! Там ответы на все ваши вопросы. И стартовый набор для нового будущего за пределами галактики. Если оно у вас, конечно, будет... Я сделал всё, чтобы это случилось. Я всегда мечтал, чтобы моя работа принесла человечеству что-то более важное, чем

сверхскоростные тоннели, грузовые ракеты, умные компьютеры или летающие тачки.

Что ж... не будем разводить долгих прощаний. Удачи, ребятки! И спасибо, что выбрали наши услуги! Сказал бы: «Приходите ещё», но это будет слишком дурацкая шутка. Адью!»

Мистер Н. широко и обворожительно улыбнулся, протянув руку и нажав на камере какую-то кнопку, но запись не остановилась.

— Записалось что ли? — тихо пробормотал он себе под нос, — ага, обрабатывается... ну вот и всё, Ной. Ты всё сделал правильно.

Мужчина тяжело закашлялся от серой хмари, всё сильнее заполняющей комнату. Он продолжал лучезарно улыбаться, но даже на видео было заметно, что его глаза блестят от слёз. Мистер Н. поднялся со стула и извлёк из-за пазухи старенький SIG. Он повертел пистолет в руках, рассмотрев его со всех сторон, на секунду поднёс к лицу, но отдернул руку, будто решаясь на что-то.

— Такую планету просрали, — прохрипел он, больше не сдерживая слёз. Грохот снаружи усилился, и очередная порция едкого дыма просочилась сквозь плотно заколоченный дверной проём. На видео стало сложно что-то различить, но я успел увидеть, как мистер Н. поднял пистолет и, направив дуло себе в рот, положил палец на спусковой крючок.

— Помощник, выключи! Быстро!

— Выключаю, — ответил Помощник, и голубые лампочки над экраном мгновенно потухли, снова превратив его в обычное кварцевое стекло, за которым всё так же мерцали молчаливые звёзды.

В комнате повисла натянутая тишина. Я повернул голову и увидел, как номер два сидит на кресле, подтянув к себе колени и обхватив их руками. Она дрожала и закусывала губу так сильно, что на потрескавшейся слизистой выступили капли крови. Номер один просто продолжал смотреть перед собой, но его взгляд уже не выглядел таким пустым, как после пробуждения. Я был уверен, что он пришёл себя и уловил каждое слово, сказанное мистером Н.

— Желаете разблокировать отсек Х? — спросил Помощник.

Я не решался ответить. Увиденное всё никак не укладывалось в голове и теперь мне было безумно страшно узнать, с чем мы столкнёмся, переступив порог отсека Х.

— Да, — неожиданно прошептала номер два, — желаем.

Панель у входа в отсек, увешанного предупреждениями, вспыхнула голубым светом, после чего автоматическая дверь издала щелчок и медленно поползла в сторону. Внутри помещение заполнял невесомый туман. Он не был похож на дым в доме мистера Н. — этот скорее напоминал влажную дымку в прохладное летнее утро и не внушал страха. Немного замаявшись на пороге, номер один, номер два и номер три, сделали шаг вперёд, наконец оказавшись внутри отсека Х. Здесь небывало легко дышалось, и запахи, витающие, в воздухе казались каждому из присутствующих до боли знакомыми. Они исходили от растений, заключённых в прозрачные капсулы, закреплённые вдоль стен. Здесь были ещё совсем крошечные саженцы пихты, и можжевельника, куст сирени и люпина, а также несколько побегов дикой розы и ромашек. В центре помещения располагались три внушительных ящика с нанесёнными на них именами: Сатоши Йен, Гумилёва Аня, Коркилл Блейк.

— Что это? — растерянно спросил номер один, осторожно проведя пальцами по крышке одного из них.

— Наши имена, — сдавленно ответил номер три.

Номер один и номер два растерянно переглянулись.

— Когда я разбудил номер два, то вспомнил своё, — пояснил Йен, — оно как будто само возникло у меня в голове. Разве они не вызывают у вас никаких чувств?

— Гумилёва Аня, — тихо произнесла номер два, — Гумилёва... Аня... О господи!

Она рванулась вперёд и рухнула на колени, вцепившись в крышку ящика. Та поддалась без лишнего сопротивления, и девушка смогла увидеть его содержимое. Она прикрыла рот ладонью, чтобы не вскрикнуть.

— Что там? — обеспокоенно спросил номер три.

— Нет... — шептала девушка, — нет, нет, нет!

Воспоминания нахлынули на неё ударной волной, оживляя в дремлющей памяти прошлое. С момента пробуждения в капсуле она ничего о себе не помнила. Ничего не чувствовала и ничего не хотела, лишь иногда ощущала позывы базовых человеческих потребностей. Ей не приходило в голову, что у неё когда-то был дом, что у неё есть история, что где-то на

другом конце Вселенной остался кто-то, кто был ей дорог... Всё как и задумал мистер Н. Но теперь всё это вернулось, разбивая сердце на тысячи осколков. Уютный дом в области большого северного города, трое лошадей с жёсткими густыми гривами, сугробы, постоянно преграждающие въезд с главной дороги. Велосипед с дребезжащим звонком, ледяная вода из колонки на другом конце улицы, слегка надорванные резиновые тапочки, мамины пирожки... Мама. Аня до мельчайших деталей вспомнила мамино лицо. Тонкие губы, накрашенные розовой помадой, жемчужные серьги, короткие волосы с уже проступившей сединой, тщательно закрашенной краской оттенка «Чёрная вишня». Морщинки в уголках глаз и самые нежные на свете руки. Из-за болезни Ане не разрешалось работать, но их уютный дом и тёплое мамино сердце всегда согревали её, не давая унывать и чувствовать себя ненужной. Неужели мама осталась там? Как такое возможно? Как Аня могла согласиться бросить её?! В ящике были собраны маленькие напоминания о прошлом: подкова, велосипедный звонок, фотографии, мягкие игрушки, жемчужные серьги и прочие безделушки, на которые ни один разумный человек в мире не стал бы тратить драгоценную грузоподъёмность космического корабля. Но мистер Н., судя по всему, посчитал, что куда важнее спасти с умирающей планеты ценные воспоминания, нежели припасы, скрупулёзно подобранные образцы флоры и фауны и другие скучные вещи, которые наверняка взяли на свои корабли ребята из НАСА. Это было так в его стиле: Ной Рив, талантливейший из людей Земли, вложил в технологический прогресс человечества больше сил и денег, чем добрая половина всех учёных за последнюю сотню лет вместе взятых. Но своим последним проектом он избрал отправить в неизвестность корабль с ромашками и лошадиными подковами на борту. Что ж, умные люди как никто другой знают толк в иронии. Аня извлекла из ящика последний предмет: небольшую пластину с цифровым экраном. Он засветился от прикосновения и явил перед девушкой контракт между Ноем Ривом и членом экипажа «Авель-8». Вот только подписан он был не Аней. Внизу страницы, рядом с мерцающим отпечатком пальца, значилось имя, от которого у девушки замерло сердце: Татьяна Гумилёва.

— Кто это? — спросил номер один, заглянув через плечо Ани.

— Моя мама.

— Почему подписала она, а не ты?

— Я не знаю! — закричала Аня, — Я ничего не знала!

— Разве такие бумаги может подписать кто-то другой?

— Она могла подписать за меня что угодно.

Аня вытянула вперёд руку с контрактом и парни смогли различить, что под именем «Татьяна Гумилёва» значится пометка: «Опекун гражданина с ментальной инвалидностью».

— Это нечестно, — всхлипнула девушка, — я бы никогда это не подписала! Никогда!

— Похоже, она хотела для тебя как лучше, — предположил Йен.

— Но она осталась там! Как она могла решать за меня?!

— Теперь уже ничего не изменишь, — осторожно заметил номер один.

— А у тебя что?! — накинулась на него девушка, — Открой свой! Тебя тоже заставили?

Номер один опустился на пол возле своего ящика и открыл крышку. Его образец контракта лежал на самом верху и был добровольно подписан именем «Блейк Коркилл».

— Нет, похоже, я сам согласился...

— Кем ты был... там? — спросил Йен.

Блейк заглянул внутрь и побледнел. В его ящике было много всякой всячины: бейсбольный мяч, походные ботинки, контроллер от игровой приставки лопатка для барбекю... все эти вещи сразу заставили его вспомнить о хороших временах, проведённых на Земле. Но кое-что в коробке с воспоминаниями заставило его сердце на мгновение остановиться. Это была стопка детских рисунков, аккуратно перемотанных голубой ленточкой. Блейк бережно взял их в руки, но не нашёл в себе силы даже взглянуть на них. Он слишком отчётливо понимал, что помнит их все до мельчайших деталей. Каждый штрих яркого воскового мелка, оставивший на бумаге котёнка, вцепившегося в ветку дерева, или кораблик, качающийся на голубых волнах.

— Я... был учителем, — прохрипел Блейк, — в начальных классах.

— И ты просто согласился бросить их? Детей, которые тебе верили? — вспыхнула Аня. Блейк не понимал, нарочно ли она пытается его задеть или лишь хочет заглушить собственную боль, но это укол совершенно ему не понравился.

— Я ничего не мог сделать, ясно?! — огрызнулся он, — Если ты помнишь, то школы закрыли ещё тогда, когда это дерьмо даже вполовину не разгулялось!

Блейк бросил рисунки обратно в ящик, шумно захлопнул крышку, а затем прижал ладони к вискам и тяжело выдохнул. Он не видел свой класс с тех пор, как на улицах стало труднее дышать. Малышей быстро отправили на домашнее обучение, а совсем скоро планета начала превращаться в ад, и всем стало не до уроков. Блейк к тому моменту расстался с девушкой, а через месяц узнал, что город, где жили его родители, объявлен вымершим. Он так и не успел навестить их прежде, чем границы закрыли, а теперь было слишком поздно. Письмо от мистера Н. стало для него лучиком света в тёмном царстве одинокого дома и ежевечернего поглощения запасов пива в холодильнике и мыслей о том, что лучше ему было погибнуть вместе с ними. Поэтому он не раздумывая согласился на возможность свалить с планеты, на которой он потерял всех, кого любил.

— Ну а ты, номер три? Чего уставился? Свой-то будешь открывать? Всё это время Йен стоял в стороне, тихо наблюдая за товарищами. Их реакция напугала его: глаза Ани наполнились слезами, а взгляд Блейка укрыла пелена гнева и отчаяния, даже несмотря на то, что в их ящиках были собраны воспоминания о самых светлых моментах их жизней. Что же ждало его в коробке с именем Сатоши Йен? Кого он потерял на погибшей планете за сотни световых лет отсюда?

— Что такое? Думаешь, он тебе руку откусит? — горько усмехнулся Блейк.

Йену захотелось послать его к чёрту, но он лишь стиснул зубы и резким движением откинул крышку. К его удивлению в ящике оказалось всего два предмета: электро-виолончель и смычок. Парень осторожно поднял изящный белый инструмент и принялся рассматривать его.

— Что это? — спросила Аня.

— Виолончель, — растерянно ответил Йен.

— И всё? Там больше ничего нет? — удивился Блейк.

— Похоже, что да.

Парень неловко выпрямился и прислонил лакированный гриф к левому плечу. Он не был уверен, что именно нужно делать, и почему этот инструмент оказался в его ящике. Но через мгновение смычок неуклюже коснулся струн, и у Йена перехватило дыхание. Странные звуки, всё это время прорывавшиеся в его сознание, заполнили его до краёв, наконец выплеснувшись наружу. Это была музыка. Он помнил её всё это время, даже сквозь заблокированные воспоминания. Пальцы Йена заскользили по струнам, и мир вокруг перестал существовать. Так было и на Земле: он с

детства проводил целые дни за инструментом, не замечая, как жизнь проносится мимо. Сейчас его сердце не болело, вспоминая потерянных близких: за двадцать лет Йен так никого к себе и не подпустил достаточно близко, чтобы сожалеть о том, что теперь их нет рядом. Но без музыки в его жизни не было бы смысла.

— Это так красиво... — прошептала Аня, замороженно наблюдая за движениями Йена.

— А жениться ты тоже на этой балалайке собирался? — усмехнулся Блейк.

Йен резко перестал играть, собираясь ответить Блейку в его же манере, но в голове всех троих снова зазвучал голос Помощника.

— Начата подготовка к гиперпространственному прыжку. Все бодрствующие члены экипажа должны вернуться в капсулы сохранения или пристегнуть ремни безопасности на сидячих местах в общем отсеке.

— Что ещё за прыжок? — спросил Блейк.

— Судну Авель-8 необходимо совершить гиперпространственный прыжок для завершения маршрута. Пристегните ремни безопасности.

— С этим и правда лучше не шутить, — ответил Йен и поспешил в сторону общего отсека, — если это хоть немного похоже на то, что я видел в фильмах... будет трясти.

Вернувшись в отсек, троица устроилась в креслах. Блейк недовольно ворчал, пытаясь найти комфортное положение: высокий рост и широкие плечи несколько стесняли движения. Йен быстро разобрался с ремнём и теперь нервно потирал костяшки пальцев, пытаясь не думать о том, что их ждёт.

— До гиперпространственного прыжка: шесть минут, сорок восемь секунд, — озвучил Помощник.

После этих слов Аня подорвалась с места.

— А ты куда? — поинтересовался Блейк.

— Я скоро. Мне надо... в туалет.

Девушка торопливо скрылась на выходе из отсека, оставив Йена и Блейка вдвоём.

— Интересно, почему мистер Н. сам не полетел вместо нас? — начал разговор Блейк.

— Видимо, счёл несправедливым подтасовывать результаты лотереи. А может, не счёл себя достаточно... как он там сказал — классным парнем?

— Как будто мы особенно классные, — закатил глаза Блейк, — я вот полный придурок. А ты, уверен, ещё хуже.

— Полегче, — огрызнулся Йен, хотя здесь ему было сложно поспорить, — теперь мы уже не узнаем правды. Как думаешь, Земля уже...

— Не хочу знать, — помрачнел Блейк.

— Да как же это?! — возмутился Йен.

— А зачем? Это как в покере скинуть карты, а потом сокрушался, что мог собрать три семёрки и пару троек. Только нервы себе трепать.

— А если бы можно было всё вернуть? Например, развернуть корабль? Ты бы согласился?

— До гиперпространственного прыжка: пять минут, тридцать секунд, — снова вмешался Помощник.

— Твою мать! — побледнел Блейк и спешно отстегнул свой ремень безопасности.

— Что такое? — растерялся Йен.

— Что-то мне подсказывает, что не ты один задаёшься этим вопросом! — он вскочил с места и метнул испуганный взгляд на Йена, — Чего ты палишься, как баран на новые ворота? Думаешь *она* правда решила засесть в толчке на прощание?!

Здесь номер один оказался прав: в санитарном отсеке Ани действительно не оказалось.

— Аня!

— Номер два!

Мужчины бросились врассыпную, осматривая прочие части корабля, но их спутница словно провалилась сквозь землю. Единственный отсек, в котором они не побывали — навигация. Однако дверь, ведущая туда, не поддавалась: панель реагировала на движение, но саму дверь будто заблокировали чем-то с обратной стороны.

— Аня, ты там? Впусти нас! — прокричал Блейк и с силой ударил кулаком по двери.

— До гиперпространственного прыжка: четыре минуты, тридцать секунд, — известил Помощник.

— Аня!

Девушка не отзывалась.

— Ну что ты стоишь?! Найди что-нибудь!

— Раскомандовался тут, — фыркнул Йен, но всё же огляделся вокруг в поисках чего-то, что поможет разблокировать дверь. В одном из коридоров обнаружился ящик с инструментами, и уже через несколько секунд Блейк всунул монтировку в щель дверного проёма и освободил немного места, чтобы более юркий Йен смог протиснуться внутрь. К сожалению, полностью пролезть он не смог, но парню удалось просунуть одну руку и голову, получив обзор на то, что было внутри.

Аня действительно оказалась в навигации. Девушка стояла на коленях возле панели с ужасающим количеством кнопок и дисплеев, и что-то напряжённо высматривала.

— Ты что делаешь? — обеспокоенно спросил Йен, — Нам нужно возвращаться! Времени мало!

— А я и возвращаюсь. Назад.

— Ты спятила?! — донёсся снаружи рассвирипевший голос Блейка.

— Может быть, — равнодушно ответила Аня, снова и снова набирая на контрольной панели какой-то код.

— Но зачем? — старался выстроить диалог Йен.

— Я на это не подписывалась. Я не собираюсь бросать её.

— До гиперпространственного прыжка: три минуты, тридцать секунд...

— Да заткнись ты! — перебил Помощника Блейк, — Йен, доставай её оттуда! Быстро!

— Не всё так просто, — стиснул зубы Йен, — как видишь, я тут немного застрял.

— Дальше не отодвигается, — отчаянно выдохнул Блейк, ещё раз попытавшись справиться с дверью.

— Слушай, Аня, — попытался убедить её Йен, — Земли уже может не существовать. Мы вернёмся в никуда, и у нас вряд ли хватит топлива, чтобы повторить маршрут...

— Но ты ведь не знаешь наверняка? — сосредоточенно ответила девушка, не отвлекаясь от панели. Та наконец поддалась, и Помощник снова подал голос:

— Система изменения маршрута разблокирована. До гиперпространственного прыжка: две минуты, пятьдесят секунд. Хотите задать новые координаты?

— Сделай что-нибудь, кретин! — не унимался Блейк, наворачивая нервные круги по тесному коридорчику перед отсеком N.

Йен суетливо осмотрел комнату. Зацепиться было решительно не за что: гладкие стены, рычажки, кнопки, неизвестные ему слова и цифры...

— Аня, стой! — Йена вдруг осенило, — Посмотри туда!

Девушка настороженно повернулась в его сторону, явно не доверяя, но ей явно стало интересно, что такого хочет показать ей Йен.

— Там, слева, на стене!

— Это приёмник радио-сигналов, — равнодушно ответила она, — он молчит.

— Да, но на нём восемь цифр.

— И что? — шёпотом спросил его Блейк, тоже не понимающий, к чему клонит товарищ.

— Это каналы других Авелей. С первого по девятый, исключая наш.

— Но они молчат, — отрезала Аня.

— Все?

— Все. Красная лампочка означает, что связь оборвалась.

— Получается, мы одни выжили... — сдавленно проговорил Йен.

— До гиперпространственного прыжка: две минуты, ноль секунд, — донёсся до них голос Помощника.

— Поторопись, — одёрнул Йена Блейк, совсем теряющий самообладание.

— Ты понимаешь, что это значит? — парень обратился к Ане, — Теперь только у нас осталась надежда на новую жизнь. Из всех людей в мире.

Если мы развернёмся, то это будет конец для всех...

— Это неправда, — дрожащим голосом возразила Аня, — если мы успеем до...

— Помощник, у тебя хватило памяти на видео с МКС?

— Видео с МКС получены. Количество: 2 штуки. Продолжительность: 0 минут 46 секунд и 0 минут 23 секунды. Хотите воспроизвести?

— Что на этих видео, Помощник?

— Нет! — перебила его Аня, — Не надо.

Девушка откинулась назад, плюхнувшись на пол всем весом. По её щекам текли слёзы. Аня небрежно растёрла их ладонями по щекам, тщетно пытаясь взять себя в руки.

— До гиперпространственного прыжка: одна минута. Все бодрствующие члены экипажа должны вернуться в капсулы сохранения или пристегнуть ремни безопасности на сидячих местах в общем отсеке.

— Я знаю, что ты не хотела быть здесь, — смягчился Йен, — но твоя мама мечтала, чтобы у тебя было будущее. Мистер Н. мечтал, чтобы у человечества было будущее. Теперь всё зависит только от тебя.

Йен протянул руку, в отчаянии пытаясь встретиться взглядом с девушкой. Но она отвела глаза и бросилась к панели. В эту секунду в его сердце что-то оборвалось.

— Хотите задать новые координаты? — снова спросил Помощник.

— Нет, — твёрдо ответила Аня после небольшой паузы.

— Изменение координат отменено. До гиперпространственного прыжка: ноль минут, тридцать секунд. Пристегните ремни безопасности.

Аня вскочила на ноги и бросилась к выходу, ухватившись за руку Йена.

От неожиданности парень вздрогнул, но не смог сдержать улыбки облегчения, озарившей его лицо. Выбравшись из навигации, троица наперегонки бросилась в сторону общего отсека под обратный отсчёт до прыжка в неизвестность.

День последний первый.

На планету ASH-2342 приземлился корабль с эмблемой голубя, нанесённой на хромированный корпус.

Два светила, образующие систему Новой Надежды стоят в зените, озаряя шероховатую поверхность планеты тёплым светом.

Климатические условия здесь специфические, а растения совсем не похожи на те, что мы привыкли видеть. Поэтому сложно было бы сразу определить время года, но есть в нём что-то особенное. Романтик со стажем сразу сказал бы, в чём именно дело.

По трапу спускаются трое членов экипажа, облачённых в оранжевые костюмы. Они боязливо озираются по сторонам и пока не решаются снять защитные скафандры. Среди них — школьный учитель истории, музыкант и особенная девушка. Они ничего не знают о выживании и плохо разбираются в технологиях, но теперь их ждёт совершенно новая жизнь, и

кто знает: сохранят ли они старые роли или предпочтут начать всё сначала, чтобы выжить в этом чужом, далёком от дома мире.

Они ещё не знают, как сильно и опьяняюще в здешнем воздухе пахнет весной.